

Что год грядущий нам готовит?

Д. А. ВОЛОСОВ, член Правления Национальной Третейской Палаты, управляющий партнер юридической компании «Ценные Бумаги Консалтинг»

В статье проводится анализ самых значимых событий для третейского сообщества, произошедших в 2014 году, и делается попытка выявить основные тенденции развития третейского разбирательства в следующем, 2015 году.

Ключевые слова: третейское разбирательство, реформирование третейского разбирательства.

2014 год ознаменован многими событиями, имеющими значение для третейского сообщества. Некоторые из них в полном смысле знаковые для области третейского разбирательства. Давайте обернемся назад и вспомним, что произошло хорошего (или просто произошло) в уходящем году. Ибо тенденции на ближайшее будущее закладываются в ближайшем прошлом, поэтому любой прогноз на следующий год без анализа и понимания событий года уходящего не прогноз, а гадание на кофейной гуще.

По мнению многих специалистов, главное событие 2014 года — публичное обсуждение пакета законопроектов, предложенных Министерством юстиции в рамках реформирования законодательства, регулирующего третейское разбирательство. Под знаком реформы год начался, под этим же знаком он и заканчивается. Правда, большинство экспертов сходится во мнении, что знак этот скорее печальный, нежели открывающий широкую дорогу в будущее альтернативного разрешения споров. Представленный в конце января пакет законопроектов не только не оправдал возлагаемых на него ожидания практиков третейского разбирательства, но и вселил как минимум чувство беспокойства за будущее третейских судов. А у многих (будем называть все своими именами) откровенный пессимизм в способности разработчиков эффективно реформировать правовые основы третейского разбирательства. Недаром на посвященной реформе собрании-конференции Национальной Третейской Палаты в 2014 году настроение, порожденное проектом нового закона о третейских судах, было названо «похоронным». Исправленный текст законопроектов, представленный широкой общественности в апреле, с очевидностью показал, что его авторы во главе с проводящим реформу Минюстом готовы учитывать критику лишь стилистического, орфографического и пунктуационного характера. Но никак не научно-методического. Отношения профессионального сообщества с координирующим проведение реформы министерством в данном случае вообще удивительны, если не сказать уникальны: процентов на 99 реформа сама по себе, а мнение третейского и делового сообщества само по себе. Сибирский третейский суд при поддержке Национальной Третейской Палаты в ноября даже представил пародийный мультфильм «Третейская реформа», где переозвученные герои известного сериала «Смешарики» пишут проект закона о третейских

судах.¹ Вряд ли найдется еще какая-то реформа, «вдохновившая» профессиональное сообщество на создание мультфильмов...

Главное событие 2014 года обуславливает и соответствующий тренд в жизни третейского сообщества на 2015 год: ожидание нового закона «О третейских судах», его принятие и последующая адаптация к работе в новых условиях. При этом не так важно, вступит ли закон в силу уже в следующем году или формальное начало его действия по традиции будет отложено на 1 января 2016 года. Новому закону в любом случае предстоит стать одним из самых важных событий грядущего года. Конкретное его содержание, разумеется, предугадать трудно, но очевидно, что в целом оно, видимо, будет соответствовать предлагаемому рабочей группой Минюста. То есть за основу будет взят тот самый проект, который весной 2014 года подвергся критике практически всех рецензировавших проект специалистов. Косметические меры, безусловно, мы увидим, но вряд ли принципиальные изменения.

Как часто случается в истории, у всех знаковых событий были альтернативы. Или нам так кажется, что были. Что же касается рассматриваемой реформы, то у нее тоже может быть альтернатива, как парадоксально это не звучит. И корни возможной альтернативы уходят в событие, которое по праву также должно занять свое место в ряду наиболее значимых событий в уходящем году в области третейского разбирательства. Это — разгромная критика Государственно-правового управления Администрации Президента РФ разработанного под руководством Минюста основного закона о третейских судах и последующая за ней приостановка третейской реформы. Облегчение от того, что профессиональный разум, пусть с промежуточным эффектом, но восторжествовал — видимое последствие критики ГПУ. За ней кроется более важное, практически сакральное значение этого события: государство не знает, как именно проводить реформу третейских судов. В противном случае невозможно объяснить логически столь резкую критику концептуальных основ реформы, предлагаемых Министерством юстиции, со стороны Администрации Президента. И возможная альтернатива минюстовскому законопроекту может состояться, если будет предложен иной вариант закона. Насколько вероятна его поддержка на государственном уровне? Вероятность не велика, но поддержка вполне возможна. Справедливости ради следует отметить, что за все время борьбы третейского сообщества с навязываемым ему вариантом реформы было выработано много справедливых и прогрессивных критических замечаний. Но ни разу не было сформулировано единое предложение, какой же закон действительно нужен. Единственные известные нам проекты закона о третейских судах были разработаны Российским Центром содействия третейскому разбирательству и Национальной Третейской Палатой несколько лет назад. Платформой для более-менее серьезного обсуждения вопроса о наличии альтернативы эти документы могут стать только в случае определенной доработки сообразно формальным целям и задачам, сформулированным перед началом реформы и от которых Минюст в любом случае отказаться не сможет. Помимо упомянутых, иных, более современных и актуальных вариантов основного третейского закона вместо предлагаемого

¹ Мультфильм «Третейская реформа» см.: <http://www.arbitrage.ru/news/216-Portal-predstavlyaet-multifilm-Tretejskaya-reforma.html> (дата посещения — 03.12.2014).

властью суррогата третейское сообщество сгенерировать так и не смогло, несмотря на значительную степень консолидации. Отсутствие формальной законодательной инициативы, неверие в поддержку государства, невозможность попасть в круг официальных реформаторов, отсутствие реального диалога между властью и профессиональным сообществом — эти и другие причины, возможно, и объясняют ту оборонительную позицию, которую заняла большая часть третейского сообщества, но не меняют имеющегося к концу 2014 года результата: никаких параллельных целостных предложений по проведению третейской реформы не выдвинуто.

Если исключить какие-либо иные варианты развития реформы (а это, по всей видимости, самый вероятный прогноз), то как следствие следует ожидать ряд очевидных плодов реформирования под руководством Минюста.

Во-первых, огромное количество постоянно действующих третейских судов прекратит свое существование. В первую очередь, особо мелкие, мелкие и часть средних; в их число попадут и «спящие суды». При этом проблему так называемых «карманных третейских судов» это никоим образом не решит: под удар в данном случае попадут вполне добросовестные, но небольшие по количеству арбитров и числу рассматриваемых споров арбитражи, которые в нынешних условиях не имеют особой известности, но от этого не становятся какими-то «неправильными» или вредными для общества. Издержки для выживания подобных структур в новых условиях для их создателей будут несоизмеримы с получаемым профессиональным результатом, поэтому судьба их очевидна — уйти в историю. По всей видимости, вместе с такими третейскими судами реформа сметет и некоторые недобросовестные псевдосуды, но скорее в виде исключения, главным образом в тех случаях, когда недобросовестные создатели этих лжесудов сами толком не имеют стратегического плана развития своих детищ.

Во-вторых, часть средних и крупные центры третейского разбирательства в определенном смысле переживут второе рождение. Придется существенно пересмотреть внутренние процедуры и стандарты деятельности как для соответствия новому закону, так и в целях повышения качества и прозрачности третейского разбирательства. Насколько это будет шаг вперед? Как ни странно, у большинства известных и авторитетных центров третейского разбирательства — ни на сколько. Просто потому, что они уже и так работают на высоком качественном уровне, и грядущие пертурбации превратятся для них скорее в погоню за соответствием неким формальным критериям, а не в переход на новый, более высокий уровень функционирования. Фактически именно таким структурам реформа нужна менее всего — новому закону (в той мере, в которой он регулирует непосредственно создание и деятельность третейских судов, а не общие процессуальные и иные вопросы) просто нечего им предложить в качественном плане, чего бы у них не было раньше или не могло быть достигнуто добровольно. Поэтому рождение, безусловно, будет, но скорее по форме, чем по содержанию.

В-третьих, существенный импульс развития получают третейские суды *ad hoc*. В эту ранее не очень востребованную область третейского разбирательства с принятием нового закона обратятся взгляды многих практиков альтернативного разрешения споров. Одновременно две группы, говоря экономическими терминами, игроков сегодняшнего рынка с изменением в 2015 году

закона о третейских судах мигрируют из сегмента постоянно действующих третейских судов в область *ad hoc*. Одна группа — это как раз те самые небольшие арбитражи, которым в силу своих размеров не дотянуться до минимальных требований, заложенных в законопроекте Минюста. Их составы (те, которые не будут распущены с прекращением деятельности) целиком трансформируются в суды *ad hoc*. Понимание подобной перспективы как едва ли не единственной для выживания у соответствующей части третейского сообщества уже давно появилось: еще на майской конференции Национальной Третейской Палаты у многих спикеров звучал призыв «в случае чего уйти в *ad hoc*». Вторая группа — это как раз те пресловутые «карманные третейские суды», борьба с которыми декларировалось в числе задач реформы. В принципе, для сомнительных структур мало что изменится: до 2015 года они мимикрировали под постоянно действующие третейские суды, в 2015 году тот же персональный состав отбросит форму организационной структуры и продолжит действовать, так сказать, в голом виде — группой арбитров под видом *ad hoc*. Обе эти столь разные группы найдут второе дыхание в судах *ad hoc*, поскольку третейские суды для разрешения конкретного спора реформа затронет в меньшей степени, и в них сохранится первоначальный дух третейского разбирательства как общественного института для негосударственного разрешения споров, не испорченный элементом государственного разрешения. Правда, и тут не без оговорок: в видении Минюста, если оно воплотится в полной мере, третейские суды для разрешения конкретного спора получают в определенном смысле недосудами, поскольку их полномочия будут существенно уже, чем полномочия обновленных постоянно действующих третейских судов. Но можно прогнозировать, что интересы судов *ad hoc* в проводимой реформе учитываться будут слабо.

Продолжая перечисление наиболее заметных событий года уходящего, заложивших тенденции развития третейского разбирательства в году наступающем, нельзя не упомянуть общественные инициативы третейского сообщества. Возможно, общая проблема в лице грядущего закона заставила ранее разрозненно-самостоятельные фигуры в данной области сделать шаг в направлении объединения, найти общие интересы и сплотиться. Возможно, за более чем 20-летнее развитие способов АРС третейское сообщество осознало объединение как объективную необходимость. Так или иначе, но уходящий 2014 год стал богат на мероприятия, подчеркивающие движение в направлении консолидации. В календарном порядке необходимо отметить как минимум следующие пять.

Январь 2014 года: создание Постоянно действующей конференции третейского сообщества на период до принятия пакета законов по третейской реформе, которая стала площадкой для проведения регулярных обсуждений в целях подготовки постатейных комментариев и новой редакции опубликованных законопроектов, а также сопровождения рабочих версий законопроектов до их принятия Государственной Думой.

Май 2014 года: Собрание-конференция Национальной Третейской Палаты «Арбитраж в свете реформ». Первое публичное собрание палаты, фактически представлявшее собой совещание специалистов-практиков по поиску путей выхода из будущего кризиса, обусловленного проводимой Минюстом реформой. Впервые Национальная Третейская Палата заявила о себе как

об общероссийском объединении третейских судов, арбитров и юристов, открытом для всех специалистов в области третейского разбирательства. Конференция примечательна тем, что на ней впервые, пожалуй, за последний период времени были публично обсуждены вопросы адаптации третейских судов к работе в новых условиях после принятия закона и предложены некоторые легальные механизмы такой адаптации. Среди наиболее интересных идей стоит отметить консолидацию центров третейского разбирательства в единый третейский суд для преодоления формального барьера при прохождении регистрационных процедур, формирование единого списка арбитров и перенос «точки опоры» с постоянно действующих третейских судов на суды *ad hoc*.

Июль 2014 года: образование Единого Национального Арбитража — объединенного третейского суда, созданного на базе более десяти крупных национальных центров третейского разбирательства. Подобный шаг является практическим воплощением идей, высказанных на майской конференции Национальной Третейской Палаты, и свидетельствует о консолидации крупных и средних фигур в области третейского разбирательства, а также об их перегруппировке в ожидании грядущей реформы. Подобная перегруппировка в следующем году будет продолжаться, что формирует самостоятельную тенденцию развития третейского сообщества. Как именно это будет происходить, насколько быстро и эффективно, какие персоналии проявят себя в процессе — ответы даст год наступающий; но в целом тенденция очевидна.

Октябрь 2014 года: международная конференция «Арбитраж в России: новые решения для бизнеса», организованная Российской Арбитражной Ассоциацией. Конференция закрепила репутацию Российской Арбитражной Ассоциации как одного из ведущих центров, объединивших профессионалов третейского разбирательства и международного коммерческого арбитража.

Ноябрь 2014 года: Второй Всероссийский форум третейского, медиативного и делового сообществ «Реформирование альтернативного разрешения споров в России: ожидания и перспективы», приуроченный к 15-летию журнала «Третейский суд». На форуме среди прочих важных событий произошло одно, в полном смысле этого слова историческое для специалистов в данной области: впервые состоялась церемония вручения Общественной премии альтернативного разрешения споров «Арбитраж и Примирение». Лауреатами и номинантами премии стали наиболее видные деятели в области альтернативного разрешения споров за последние 20 лет.

Чем значимы упомянутые общественные инициативы? В первую очередь тем, что они отчетливо показали, что третейское сообщество не только есть, но его состояние не настолько плохо, как представлялось иными апологетами реформирования. Внимательный взгляд специалиста в состоянии уловить определенные течения, которые уже зародились внутри третейского сообщества и которые позволят ему максимально безболезненно пережить грядущую «чистку рядов». Одновременно есть все основания предполагать, что продекларированная в рамках реформы борьба с «карманными» судами так и не будет результативной. Соответствующие структуры едва ли не первыми адаптируются в новых условиях, применив тот же организационно-правовой инструментарий, что и центры третейского разбирательства с репутацией.

Под занавес уходящего года случилось еще одно весьма значимое событие, появление которого было не то, чтобы неожиданно, но не совсем

ожидаемо. Последнее в календаре, но едва ли не первое по значимости — постановление Конституционного Суда Российской Федерации, разгромившее так называемую «концепцию объективной беспристрастности третейского суда». Суть мнения конституционных судей состояла в том, что понятие беспристрастности нужно применять к третейскому суду, т. е. к составу арбитров, а не к юридическо-организационной структуре, при которой третейский суд создан. Данное постановление не только возвращает судебную практику в научно-методическое русло, но и дезавуирует негативные практикообразующие постановления Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации по вопросам легитимизации третейских решений постоянно действующих третейских судов при крупных корпорациях — таких, как Сбербанк, Газпром, Лукойл. Последнее добавляет в наступающий 2015 год ожидание возвращения крупных корпоративных третейских судов к активной деятельности по разрешению споров. Очевидно предположение, что суды при естественных монополиях «оживут», актуализировав организационно-правовую форму организаций-учредителей соответственно проекту закона (т. е. станут созданными при некоммерческих организациях).

Неразрешенной интригой 2014 года, переходящей в год 2015, остается предстоящая практика выдачи разрешений на осуществление деятельности по третейскому разбирательству, предусмотренное законопроектом. Кто персонально будет входить в комиссию, будут ли комиссии в регионах, каковы критерии качественной оценки постоянно действующего третейского суда и его деятельности — ни один из этих вопросов не получил ясного ответа в уходящем году. Различные мнения как официальных, так и не официальных лиц лишь вносят элемент хаоса в понимание вопроса. Тогда как процедура выдачи разрешений как раз и станет тем фильтром, через который пройдут (или не пройдут) практически все центры третейского разбирательства, претендующие на продолжение деятельности в постреформенные времена? Фактически в данной точке и может быть достигнут компромисс между обществом и государством, который определит степень успеха проводимой реформы третейских судов. Достижение этого компромисса станет самостоятельным трендом наступающего 2015 года.

Безусловно, в уходящем 2014 году произошло много других, не менее интересных событий и мероприятий. Однако, на наш взгляд, именно упомянутые выше события будут обуславливать основные тенденции развития третейского сообщества в 2015 году.